

Материалы к биографиям ученых и инженеров

Э. И. КОЛЧИНСКИЙ

КИРИЛЛ МИХАЙЛОВИЧ ЗАВАДСКИЙ: ОТ ИСТОРИИ НАУКИ ЧЕРЕЗ ЭКСПЕРИМЕНТ К ТЕОРИИ БИОЛОГИИ

Статья посвящена столетию со дня рождения выдающегося ботаника, биолога-эволюциониста, историка и философа биологии К. М. Завадского (1910–1977), с именем которого связаны классические экспериментальные исследования борьбы за существование и естественного отбора в популяциях растений и их экологической структуры, создание учения о виде и видообразовании, углубление представлений о главных направлениях и закономерностях эволюции, основных формах организации живого, факторах и критериях прогресса, об эволюции эволюции. Также он был известен как активный борец с лысенкоизмом в 1950–1960-х гг. С первых работ в области биологии Завадский большое внимание уделял истории науки, рассматривая ее как важнейший инструмент при разработке эволюционных проблем. Во время работы в ИИЕТ АН СССР им создано оригинальное направление в истории науки – историко-критические исследования основных проблем эволюции. Благодаря уникальному педагогическому таланту он создал международную школу в области истории, теории и философии эволюционного учения.

Ключевые слова: К. М. Завадский, эволюционная теория, история науки, история и философия биологии.

В 2010 г. исполнилось сто лет со дня рождения выдающихся отечественных биологов-эволюционистов Г. Ф. Гаузе, К. М. Завадского и А. Л. Тахтаджяна, чьи научные труды в значительной степени определили развитие эволюционной биологии в середине XX в. Их эксперименты и концепции нашли отражение в учебной и образовательной литературе, по которой учились и продолжают учиться многие поколения российских и зарубежных биологов. Профессиональная деятельность этих ученых пришлась на сложное время, и каждому довелось пережить немало испытаний. Но они остались верны идеалам научного сообщества и сохранили высокий стандарт исследований, демонстрируя в век нарастающей специализации, что подлинный успех в изучении органического мира возможен лишь при широте знаний, позволяющей ориентироваться в сложных проблемах теоретической биологии. Все они были энциклопедически образованными биологами, сочетавшими в одном лице черты ученого и организатора науки, педагога и ученика, экспериментатора и теоретика. Более того, все они с громадным уважением относились к истории науки, в течение многих лет сотрудничали с Институтом истории естествознания и техники АН СССР (ИИЕТ АН СССР), печатались в его трудах, были членами редколлежий коллективных монографий, серийных изданий и журнала «Вопросы истории естествознания и техники».

© Э. И. Колчинский. ВИЕТ. 2010. № 4. С. 68–99.

Особенно прочно был связан с историей науки и ИИЕТ Кирилл Михайлович Завадский, имя которого можно увидеть в биографическом справочнике «Биологи» (1984) и в Большой российской энциклопедии (2008). На протяжении всего творческого пути он профессионально занимался историей биологии и при этом внес существенный вклад в экспериментальное изучение движущих сил эволюции и структуры популяций растений, разработал оригинальную концепцию вида и видообразования, предложил классификацию основных уровней организации живого, исследовал критерии и закономерности прогрессивной эволюции в органическом мире, выделил основные этапы и тенденции развития эволюционной теории, сформулировал программу эволюционной фитофизиологии. Профессиональный биолог-экспериментатор и теоретик, Завадский, как и многие крупные ученые его поколения (Л. Я. Бляхер, А. Е. Гайсинович, И. И. Канаев, Э. Майр и др.), последний период своей деятельности практически полностью посвятил истории науки, основав в Ленинградском отделении ИИЕТ АН СССР сектор истории и теории эволюционного учения и создав оригинальную школу биологов-эволюционистов, историков и философов биологии. Его деятельность в ИИЕТ составила яркую и поучительную страницу в его истории, в которой полностью воплотился дух эпохи, когда, несмотря на непростые взаимоотношения с властями, отечественной науке удавалось сохранять лидирующие позиции во многих отраслях науки, в том числе и в истории естествознания.

Становление личности

Кирилл Михайлович Завадский принадлежал к древнему польскому дворянскому роду, история которого восходит к XIII в., к цехановскому маршалу и старосте при короле Болеславе Стыдливом Помсцибору-Рогалю¹. Часть его потомков со второй половины XV в. стали называться Рогаями-Завадскими. Среди них был профессор и ректор Краковского университета Станислав Завадский-Рогаль (1563–1588). Его двоюродный племянник Ян Завадский-Рогаль (умер в 1642 г.) около 30 лет служил при дворе польских королей, сопровождал короля Сигизмунда III в его смоленском походе, а в 1633 г. по поручению короля Владислава IV был послом в Англии, Франции и Швеции, а затем гданьским маршалом, парновским воеводой и свецким старостой. Сын Яна Завадского-Рогалья подписал акт избрания в 1648 г. королем Польши Яна-Казимира уже как Ян Завадский. От него прямая линия ведет к Кириллу Михайловичу Завадскому. Став подданными России, Завадские не сразу завоевали положение, подобное тому, что занимали в Польском государстве. Но свойственное их роду трудолюбие, стремление к образованию, а также честная служба новому отечеству и принятие православия позволили

¹ Родословие древнего дворянского рода Завадских-Рогалей. Отдельный оттиск из «Дворянского адрес-календаря» на 1899 год. СПб., 1899. № 7 (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (ПФА РАН). Ф. 1113. Д. 62).

Семья деда К. М. Завадского. Тифлис, 1897. Сидят (слева направо): Вера Михайловна (тетя), София Александровна (бабушка), Михаил Ромулович (дедушка); стоят: Александр Михайлович (дядя) и Михаил Михайлович (отец). Публикуется впервые (ПФА РАН. Ф. 1113)

Завадским сделать в пореформенной России блестящую карьеру и войти в административную элиту Российской империи.

Лучшими своими чертами, прекрасным образованием и широким культурным кругозором Завадский обязан, прежде всего, своей семье. Его дед Михаил Ромулович Завадский ² в течение многих лет был попечителем Кавказского учебного округа, редактировал журнал «Педагогический вестник», составил первые мингрельский и абхазский буквари, принимал активное участие в разработке законодательства по народному образованию. Революцию он встретил сенатором, членом Государственного совета, но не эмигрировал, а активно участвовал в организации Пролетарского политехникума. Как бывшего сенатора его не допускали к преподаванию гуманитарных дисциплин, поэтому на склоне лет он изучил математику, чтобы преподавать ее в техникуме ³. Он же был первым учителем Завадского в области физики и математики. Михаил Ромулович был женат на Софии Александровне Лампси, происходившей также из дворянской семьи. Старшие братья деда были юристами: Владислав Ромулович служил председателем Московской судебной палаты и директором 2-го департамента в Министерстве юстиции, а сенатор Владимир Ромулович – прокурором Казанской судебной палаты. Юристами были и дети: Сергей Владиславович – сенатор, тайный советник, прокурор Петербургского суда, а после Февральской революции 1917 г. – товарищ председателя Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства; Александр Владимирович – доцент Казанского университета.

По их стопам пошел отец Кирилла Михайловича – Михаил Михайлович, член Кутаисского и Тифлисского окружных судов, член городского суда в Нижнем Новгороде и Москве, прокурор Орловского окружного суда. После Февральской революции он работал в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по расследованию действий бывших министров и других должностных лиц ⁴. Первые годы после Октябрьской революции Михаил Михайлович служил в Комиссариате продовольствия Петроградской трудовой коммуны и в Комиссариате путей сообщения Северо-Западного округа ⁵, затем экономистом и юристом на Октябрьской прядильно-ткацкой фабрике. Во время блокады, чтобы получить рабочую хлебную карточку для семьи, Михаил Михайлович стал рабочим, но это его не спасло – он умер в феврале 1942 г. Все знавшие его единодушно в том, что это был очень добрый, интеллигентный человек, старавшийся помочь каждому, кто в этом нуждался.

Мать Кирилла Михайловича Вера Алексеевна также происходила из аристократических кругов и получила блестящее образование. Она была художественно одаренной натурой, прекрасно играла на рояле. Ее богатый духовный мир оказал большое влияние на формирование круга интересов и характера

² Вообще-то правильно «Михаил Ромуальдович», но всех энциклопедиях и справочниках с конца XIX в. его принято называть «Михаилом Ромуловичем».

³ ПФА РАН. Ф. 1113. Д. 88. Л. 5 об., 9.

⁴ Там же. Д. 94. Л. 11–13.

⁵ Там же. Д. 96. Л. 8–11.

Мать Вера Алексеевна Завадская. Тифлис, 1906. Публикуется впервые (ПФА РАН. Ф. 1113)

сына. Человек сильной воли и твердого характера, после революции, когда семья лишилась всего имущества и положения, она не пала духом и работала в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена секретарем на кафедре, которой заведовал Ю. И. Полянский, один из учителей и многолетних друзей Завадского. Во время эвакуации из блокадного Ленинграда она сломала ногу и до конца дней передвигалась на костылях. Но никто не слышал от нее ни жалоб, ни просьб о помощи. Ее любимым занятием в то время было чтение французских романов. Она умерла в 1950 г. Ее сестра Софья Алексеевна после революции жила с ней.

Старшая сестра отца Вера Михайловна была талантливой художницей, но умерла молодой. Его брат Александр Михайлович в 1902 г. окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета по специальности зооло-

гия, эмбриология и гистология с дипломом первой степени ⁶ и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию ⁷. Но увлекся идеями эсеров, в конце марта 1907 г. был арестован, провел несколько месяцев в Петропавловской крепости, а 7–16 августа предстал перед военно-полевым судом по делу В. Наумова за участие в подготовке покушения на Николая II, великого князя Николая Николаевича и председателя Совета министров П. А. Столыпина ⁸. По этому делу трое были повешены, другие приговорены к каторжным работам или ссылке. А. М. Завадский оказался в числе пятых обвиняемых ⁹, оправданных за недостаточностью улик, возможно, учли заслуги деда и других высокопоставленных родственников-юристов. На несколько лет он уехал за границу, где окончательно решил посвятить себя нау-

⁶ Архив Государственного университета Молдовы (АГУМ). Ф. 1. Оп. 5. Д. 202. Л. 5; Д. 97. Л. 1–2.

⁷ ПФА РАН. Ф. 1113. Д. 97. Л. 1.

⁸ Об этом мне говорил сам Кирилл Михайлович. Из показаний же его отца в 1917 г. я узнал, что Александр Михайлович был судим за причастность к заговору «на царевубийство», что побудило меня к поиску других подтверждений этого факта, поскольку Александр Михайлович в советские годы ничего не писал о причастности к этому процессу ввиду того, что группа Наумова декларировала свою принадлежность к партии социал-революционеров.

⁹ *Спиридович А. И.* Революционное движение в России. Вып. 2. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники (http://hronos.km.ru/libris/lib_s/spir16cp.html. 12 апреля 1907 г.).

ке и стал крупным зоологом, сравнительным анатомом и физиологом. Долгое время Александр Михайлович работал в Казанском университете, в середине 1920-х гг. получил кафедру биологии в Узбекистане, в первом педагогическом институте в Самарканде, при которой организовал эволюционный музей, а закончил он свою деятельность в Кишиневском университете¹⁰. Именно от него Кирилл Михайлович перенял любовь к биологии.

Кирилл Михайлович Завадский родился 5 января 1910 г. (по новому стилю) в Нижнем Новгороде¹¹. Единственный ребенок в семье, он рос живым, любознательным и рано пристрастился к чтению. В последние годы жизни Завадский особенно любил фантастику, детективы, военную прозу, мемуары политических и военных деятелей, прочитывая книги с поразительной быстротой и запоминая все прочитанное. Он был всегда готов побеседовать на исторические темы, потрясая собеседника знанием бесчисленных имен, дат и событий.

В Нижнем Новгороде Завадские пробыли недолго. Уже в 1911 г. они переехали в Москву, затем в Кашин, позднее были еще Орел и Петроград. После революции Михаил Михайлович остался служить в Петрограде, а Вера Алексеевна вместе с сыном жила в деревне Зеленина Рязанской губернии. Здесь они приобретали у местных жителей продукты, выменивая их на вещи. С введением военного коммунизма и пайка для жителей они потеряли право продавать продукты приезжим. Вера Алексеевна и Кирилл оказались на грани голодной смерти. Но по просьбе М. М. Завадского Комиссия по разгрузке и эвакуации Петрограда разрешила им вернуться в опустевшую и вымиравшую от голода бывшую столицу Российской империи. Когда в 1918 г. Кирилл начал учебу, семья уже постоянно жила в Петрограде, в квартире на Зверинской улице вместе с Михаилом Ромуловичем и Софьей Александровной. Здесь часто бывали в гостях А. Ф. Кони и Н. А. Марр.

Большую роль в становлении Завадского сыграли школьные годы, проведенные им в стенах бывшего Тенишевского училища, где была основана 22-я советская трудовая школа, сохранявшая в первое послереволюционное десятилетие прежние традиции. Многие одноклассники Завадского стали крупными учеными, инженерами, деятелями культуры. На всю жизнь он сохранил зародившуюся в те годы дружбу с будущими членом-корреспондентом АМН С. А. Нейфахом, хирургом и международным судьей по шахматам Л. И. Шапиро, филологом-германистом и переводчиком В. Г. Адмони, писателем И. И. Варшавским, чрезвычайным и полномочным послом СССР С. А. Виноградовым и др. Среди одноклассников был и сын Г. Е. Зиновьева, тогдашнего всесильного хозяина Северной коммуны, разделивший впоследствии трагическую судьбу отца. Были и другие школьные товарищи, сгинувшие в страшные годы сталинского террора. В классе Кирка Завадский, как его называли друзья-одноклассники, занимал видное место. Учился он ровно по всем предметам. Даже в такой незаурядной школе отличался от сверстников широким кругозором, блестящими математическими способностями и феноменальной

¹⁰ ПФА РАН. Ф. 1113. Д. 97. Л. 1–2.

¹¹ Есть основания предполагать, что Завадский был на год старше. В ряде документов 1920–1930-х гг. в качестве даты рождения указан 1909 г. (ПФА РАН. Ф. 1113. Д. 63. Л. 1; Д. 64. Л. 5; Д. 96. Л. 3).

Кирилл Завадский. Нижний Новгород, 12 июля 1912 г. Публикуется впервые (ПФА РАН. Ф. 1113)

памятью на географические названия, физические константы, исторические даты, имена и т. д. Он увлекался разными видами спорта, был отличным танцором, любил красиво и со вкусом одеться. Был очень активным и предприимчивым человеком. Научился рано (с 11 лет) самостоятельно зарабатывать деньги и был весьма удачливым «бизнесменом» в годы НЭПа. Это не помешало ему окончить школу в 1926 г., обнаружив «достаточные познания и развитие по всем обязательным предметам курса»¹².

В том же году Завадский поступил в Педагогический институт им. А. И. Герцена, собираясь стать математиком или физиком. В 1928 г. он побывал в Средней Азии, где вместе с дядей Александром Михайловичем участвовал в комплексной экспедиции по обследованию Зеравшанского уезда, Гиссарской долины и реки Пяндж. Величественная природа тех мест, богатый растительный и животный мир покорили молодого Завадского, и у него зарождается идея посвятить себя биологии. После прохождения практики на Севастопольской биологической станции осенью 1928 г. было принято окончательное решение: он перешел на естественно-химическое отделение, которое закончил в 1931 г. Его учителями были лучшие представители отечественной биологии: В. А. Догель, Н. А. Максимов, С. А. Павлович, И. И. и Ю. И. Поляnsкие, А. А. Стрелков, Ф. Е. Тур и др.¹³ А вот курс исторического материализма

¹² ПФА РАН. Ф. 1113. Д. 63. Л. 1.

¹³ Там же. Д. 64. Л. 5, 6–6 об.

К. М. Завадскому пришлось прослушать в исполнении тогда уже набравшего силу И. И. Презента. У него Завадский проходил специализацию по истории и философии биологии¹⁴.

В студенческие годы раскрылись незаурядные способности Кирилла Михайловича, сформировалась его активная жизненная позиция. Тогда же были заложены начала той эрудированности, свободного ориентирования в различных областях биологии, которые он демонстрировал на протяжении всей своей научной карьеры. По рассказам Ю. И. Полянского, знавшего Завадского с юных лет, преподаватели сразу обратили внимание на его острый, но зачастую отрывавшийся от эмпирики и склонный к теоретизированию ум. Сокурсники же оценили общительность, доброту, стремление поделиться своими знаниями. В студенческие годы зародилась дружба с Н. Л. Гербильским и П. С. Беликовым, которая прошла через всю жизнь. Друзей сближала общность интересов. Как тогда было принято, они много читали, обмен мнениями часто перерастал в горячие дискуссии.

В институтские годы у Кирилла Михайловича проявилось стойкое внимание к философии и эволюционной теории. Он прошел через период длительного увлечения философией Гегеля, о чем впоследствии не раз вспоминал с иронией, однако влияние этого философа сильно чувствовалось и в его зрелых трудах. Разделяя возросший интерес биологов к диалектическому материализму, в 1928–1931 гг. Завадский руководил семинарами Союза воинствующих безбожников в школах Центрального района Ленинграда, методологическим семинаром в Эрмитаже, преподавал биологию на фабрике им. Володарского, обучал студентов 2-го Ленинградского медицинского института диалектическому материализму, проводил экскурсии в Ботаническом саду и Зоологическом музее по разделам эволюции растений и животных¹⁵.

Последние годы его обучения в институте совпали с начавшейся «культурной революцией». Руководство Ассоциации естественных наук Комакадемии поручило Презенту в Ленинграде «организовывать марксистские кадры» в области биологии. Впоследствии он сыграл зловещую роль в истории отечественной биологии, став главным идеологом Т. Д. Лысенко и его правой рукой. В те же годы он еще пользовался авторитетом у некоторых ленинградских биологов, особенно у начинающих ученых. В созданном им Ленинградском обществе биологов-марксистов числилось 215 человек. Среди них было немало будущих крупных ученых, профессоров, членов-корреспондентов и академиков (П. К. Анохин, Е. Г. Бобров, Б. Е. Быховский, З. С. Кацнельсон, В. А. Ковда, М. Е. Лобашев, П. Н. Овчинников, Е. Н. Павловский, Б. Б. Польшов, Д. И. Сапожников, С. В. Солдатенков, П. В. Терентьев, В. Н. Сукачев, К. К. Шапоренко, С. А. Чернов, С. В. Юзепчук и др.)¹⁶. Хотя подобное членство для многих из них было чисто формальным¹⁷, им потребовались годы,

¹⁴ Там же. Д. 70. Л. 1.

¹⁵ Там же. Л. 6 об.

¹⁶ ПФА РАН. Ф. 240. Д. 10. Л. 16.

¹⁷ Подробнее см.: Колчинский Э. И. В поисках советского «союза» философии и биологии. Дискуссии и репрессии в 20-е – начале 30-х гг. СПб., 1999. С. 178–188.

На Севастопольской биологической станции, 16 июля 1928 г. Стоят (слева направо): Казиков, Фазиев, Садыков; сидят: Емилев, Шафиев, Бурнашев, Абдуладжинов, Завадский. Публикуется впервые (ПФА РАН. Ф. 1113)

чтобы понять подлинную сущность этого человека, равно как и его будущего патрона Лысенко.

Завадский также не был активным членом этой организации. По публикациям и архивам Ленинградского отделения Комакадемии, стенограммам проходивших тогда дискуссий и воспоминаниям их участников можно предположить, что его выступления отличались от кавалерийских атак активистов «культурной революции». Они были сдержанны и аргументированны. В них отсутствовали политическая риторика, навешивание ярлыков, голословные обвинения, а критика всегда носила научный характер. Эти особенности выступлений Завадского видны, например, в стенограмме конференции по смотру работ Ленинградского педагогического института о состоянии естественно-научных и биологических кафедр, состоявшейся 13 мая 1931 г. под руководством Презента¹⁸, где Завадский взял под защиту критикуемого тогда Догеля. Это уважительное отношение к оппоненту, будь то зрелый ученый или начинающий студент, он сохранил и в последующие годы. Потом Завадский весьма сожалел о своем участии в мероприятиях ОБМ и Союза воинствующих безбожников, оценивая их как «хунвэйбиновские». До конца

¹⁸ ПФА РАН. Ф. 240. Д. 23. Л. 81–83.

Выставка, посвященная 50-летию со дня рождения Ч. Дарвина в коридоре главного здания ЛГУ им. А. С. Бубнова (апрель 1932 г.). Экскурсовод – К. М. Завадский (крайний справа). Публикуется впервые (ПФА РАН. Ф. 1113)

дней он сохранил неприязнь к людям, пытавшимся учить биологов, не имея ни малейших знаний о живом¹⁹.

В 1931 г. Завадский по распределению попал в Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ), где занял пост заместителя директора в местном землеустроительно-мелиоративном техникуме. Активный молодой специалист показался опасным местным руководителям, и только срочный отъезд в конце марта 1932 г. спас его от неминуемого ареста по обвинению в разжигании национальной розни и в великодержавном шовинизме. Его возвращение в Ленинград совпало с грандиозными мероприятиями, посвященными 50-летию со дня смерти Ч. Дарвина²⁰. Участие в них, особенно в подготовке и проведении грандиозной дарвиновской выставки, развернутой в коридоре Главного корпуса ЛГУ, предопределило на всю жизнь интерес Завадского к проблемам эволюции органического мира. В мае 1932 г. началась его преподавательская деятель-

¹⁹ Завадский К. М. Первые шаги эволюционной теории в СССР (1922–1926) // Наука и техника: вопросы истории и теории. Л., 1972. С. 6.

²⁰ The Reception of Charles Darwin in Europe. Vols. 1–2 / Eds. E.-M. Engels, T. V. Glick. New York; London, 2009. P. 542–544.

ность в ЛГУ в качестве ассистента кафедры диалектического материализма и общей теории биологии, которой заведовал Презент, а затем и ассистента кабинета дарвинизма. На основе материалов дарвиновской выставки ему поручили подготовить постоянную лабораторию-музей по общей биологии.

С середины 1932 г. Завадский одновременно работал в Ботаническом институте АН СССР (БИН) и организовывал ботанический отдел на выставке «15 лет советской науке»²¹. Выставка пользовалась успехом, и директор БИНа академик Б. А. Келлер предложил ему стать младшим научным сотрудником института и включиться в работу по реорганизации экспозиции Ботанического музея. Для этого была создана бригада под председательством лидера российских геоботаников В. Н. Сукачева, а с 1937 г. комиссию возглавлял также геоботаник Е. М. Лавренко. Эта работа положила начало многолетнему сотрудничеству Завадского с Сукачевым и Лавренко, которых он считал своими учителями. Ставшие впоследствии академиками, эти ученые постоянно поддерживали Завадского, высоко оценивая его вклад в ботанику.

В 1933 г. Кирилл Михайлович был назначен ученым секретарем, а затем заведующим музеем БИНа и возглавил работу по его реконструкции. Эта работа оказалась для него крайне полезной в плане изучения многообразия мира растений, познания их филогенетических связей и биологии развития, а также потребовала серьезной историко-научной подготовки. Он часто выезжал в Москву, Киев, Брянск, Одессу и др. города для знакомства с музеями страны, а в 1934 г. перешел на постоянную работу в БИН, продолжая параллельно читать лекции по истории и философии биологии и эволюционной теории в ЛГУ и Государственном естественно-научном институте им. П. Ф. Лесгафта. Так выработывался присущий Завадскому ораторский стиль. Его лекции уже в то время были неповторимы и своеобразны. Он не просто излагал предмет, а вел беседу, заражая слушателей своим энтузиазмом.

С первых шагов в науке Завадский оказался в центре различных споров по проблемам биологии. В 1934–1935 гг. он был одним из организаторов дискуссий по проблемам фитоценологии, физиологии и экологии растений, проходивших в Ленинграде в БИНе²². Характерно, что 24-летний ученый как равный участвовал в дискуссии вместе с признанными в то время классиками отечественной экологии, ботаники и физиологии растений Р. И. Аболиным, Б. А. Келлером, Д. Н. Кашкаровым, В. Л. Комаровым, С. Д. Львовым, В. Н. Любименко, Е. Н. Синской, С. Я. Соколовым, А. П. Шенниковым и др. Уже в этих дискуссиях он предлагал обращаться к истории обсуждаемых проблем для их лучшего понимания, а также определения путей и способов решения. В своих выступлениях Завадский рассматривал исторические пути формирования экологии, указывал на ее связи с фитофизиологией, подчеркивая важную роль обеих в изучении проблемы адаптациогенеза²³. В ходе

²¹ ПФА РАН. Ф. 1113. Д. 70. Л. 1.

²² Основные установки и пути развития советской экологии // Советская ботаника. 1934. № 3. С. 3–68; Что такое фитоценоз // Советская ботаника. 1934. № 5; Дискуссия. К теории приспособления к свету // Советская ботаника 1936. № 6.

²³ Завадский К. М. Дискуссия. Основные установки и пути развития советской экологии // Советская ботаника. 1934. № 3. С. 46–50.

дискуссии о путях развития советской экологии Завадский высказал и оригинальные идеи об эволюции экосистем и межвидовом отборе как причине эволюции фитоценозов²⁴. Он предостерегал от упрощенных объяснений причин адаптации растений, выступал против смешения двух различных процессов – исторического возникновения адаптации и способности организма к индивидуальным изменениям в онтогенезе. Выступление Завадского на дискуссии, посвященной приспособлению растений к свету²⁵, способствовало упрочению тенденции сближения физиологии растений с экологией и эволюционной теорией. Завадский попытался в общих чертах обозначить задачи эволюционной фитофизиологии, определить сущность и методы исследований в сравнительной и эволюционной физиологии. Реализацией идей, высказанных им в начале творческого пути, стал первый Всесоюзный симпозиум по эволюционной физиологии растений, организованный Завадским в декабре 1974 г. О зрелости его научных взглядов свидетельствует первая работа по проблемам эволюции – рецензия на книгу Дж. Б. С. Холдейна «Факторы эволюции»²⁶, написанная совместно с талантливым молодым геоботаником К. К. Шапоренко. По прошествии более чем 75 лет можно только удивляться, насколько точно молодые биологи-эволюционисты осознавали главные трудности, стоявшие перед эволюционной теорией в те годы, указывая на необходимость проведения не только генетических, но и эколого-физиологических исследований причин эволюции.

В 1934 г. Кирилл Михайлович по рекомендации Келлера начал готовить диссертацию по теме «Методы изучения приспособлений у растений» и выполнил под его руководством ряд экспериментальных и теоретических работ по морфологии и физиологии растений. Однако вскоре Завадский убедился в их бесперспективности. Назрел и разрыв с «красный академиком» Келлером, который из горячих сторонников Н. И. Вавилова превратился в приверженца «советского творческого дарвинизма». В итоге Завадский сменил тему диссертационного исследования и подготовил большую рукопись о вкладе К. А. Тимирязева в изучение эволюции. Этим историческим исследованием он стремился пробудить интерес биологов к изучению онтогенетических основ эволюции, однако закончить диссертацию ему помешала ситуация в стране. В 1938 г. Завадский был уволен из БИН, и хотя в трудовой книжке сделана запись об увольнении в связи с переходом на преподавательскую работу, истинной его причиной была выявленная связь с «врагами народа». Несколько месяцев Завадский был безработным, ожидая ареста. Спасла случайность. Со снятием Н. И. Ежова с поста наркома внутренних дел были освобождены из-под ареста друзья Завадского по БИНу (Я. Е. Елленгорн, П. Н. Овчинников, И. А. Оль), и он продолжил преподавательскую работу в ряде институтов ВАСХНИЛ и ЛГУ.

²⁴ Завадский К. М. Дискуссия. Что такое фитоценоз // Советская ботаника. 1934. № 5. С. 31–42.

²⁵ Завадский К. М. Дискуссия. К теории приспособления растений к свету // Советская ботаника. 1935. № 6. С. 27–32.

²⁶ Завадский К. М., Шапоренко К. К. Рец. на кн.: Haldane, J. B. S. The Causes of Evolution. London, 1932 (Холдейн Д. Причины эволюции) // Советская ботаника. 1934. № 2. С. 151–158.

Годы, проведенные Завадским в БИНе, сыграли огромную роль в его научной биографии, определив исследовательские приоритеты. Здесь он стал полноценным и заметным членом отечественного сообщества ботаников, познакомился с традициями и бытом академической среды, установил контакты со многими выдающимися биологами, включая В. Н. Сукачева, Е. М. Лавренко, В. И. Полянского, С. Я. Соколова и др. Работа в БИНе оказалась для Завадского крайне полезной для изучения разнообразия мира растений, раскрытия их филогенетических связей, познания биологии развития. Именно растительные объекты (кок-сагыз, марь белая, подорожник, морковь, лен, кукуруза и др.) в модельных и природных популяциях были использованы им в дальнейшем для изучения внутривидовых отношений у растений и роли перенаселения в эволюции. Это давало возможность подвергнуть экспериментальной проверке теоретические представления об эволюционной роли естественного отбора и борьбы за существование.

В центре биологических дискуссий

Изучение внутривидовых отношений Завадский начал в Киргизии, куда был эвакуирован из блокадного Ленинграда в марте 1942 г.²⁷ Работая агрономом, а затем начальником земотдела и заместителем председателя горисполкома в г. Токмаке, он на практике доказывал плодотворность применения науки в сельском хозяйстве, разработал агрономические правила по овощеводству, изучил сорно-полевые растения Чуйской долины и рекомендовал меры по борьбе с ними. В 1944 г. Завадский начал изучать конкуренцию растений при их сверхвысоком загущении на делянках яровой пшеницы. Уже первые результаты показали, что, несмотря на гибель множества растений и стерильность других, немногие прошедшие жесткую селекцию экземпляры оказались плодовитыми, т. е. «победителями» в борьбе за существование. Продолжение этих опытов принесло Завадскому всемирную известность как оригинальному и вдумчивому экспериментатору-эволюционисту.

В сентябре 1945 г. он возобновил работу в Ленинградском университете в качестве и. о. доцента и одновременно преподавал дарвинизм в Карело-Финском университете, на Всесоюзных курсах повышения квалификации заведующих кафедрами марксизма-ленинизма и общей биологии. Используя историю науки, Завадский уже в те годы наметил линию на отделение селекционера-практика И. В. Мичурина от созданной Лысенко и Презентом «мичуринской биологии»²⁸. Он показал, что за десятилетие селекционной работы Мичурин существенно изменил свои взгляды и методы, уделяя в последние годы все больше внимания мутациям, эволюции доминирования, отдаленной гибридизации и отбору в выведении новых сортов. В качестве современных продолжателей идей Мичурина уже в 1948 г. Завадский называл не апологе-

²⁷ Завадский был награжден медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и «За победу над Германией».

²⁸ Завадский К. М. И. В. Мичурин – замечательный преобразователь природы. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в 1948 г. в Ленинграде. Л., 1948.

тов «мичуринской биологии», а генетиков А. Р. Жебрака, М. С. Навашина, Б. Р. Рыбина, В. В. Сахарова и др.²⁹ К дальнейшему развитию этих идей он вернулся через семь лет, выступив 27 октября 1955 г. с докладом на открытой научной сессии ЛГУ, посвященной столетию со дня рождения Мичурина. Этот доклад был прочитан также в Ботаническом институте, вызвав оживленные прения³⁰.

8 января 1948 г. Завадский защитил кандидатскую диссертацию «Влияние густоты насаждений на изменение численности и рост кок-сагыза», а 23 февраля 1948 г. ученый совет ЛГУ под председательством и. о. ректора Ю. И. Полянского утвердил «Завадского в ученой степени кандидата биологических наук»³¹. В диссертации экспериментально опровергались лысенковские утверждения об отсутствии внутривидовой конкуренции и доказывалась ведущая роль последней в селективных процессах³². Эта диссертация, лежавшая в русле программы экспериментального изучения факторов эволюции В. Н. Сукачева, вызвала особое недовольство Лысенко, так как была выполнена на кок-сагызе, опыты с которым лысенковцы использовали как аргумент в споре с дарвинистами. Особенно Лысенко возмущало то, что диссертация была выполнена на кафедре дарвинизма, которой заведовал Презент. Лысенко вызывал Завадского и Презента в Москву, настаивал на изменении выводов диссертации, требовал от Презента приструнить «зарвавшегося» сотрудника. Однако Презент не препятствовал экспериментальным исследованиям Завадского, хотя понимал, что Завадский стал открытым идейным противником лысенковцев и в дискуссиях о борьбе за существование в 1946–1948 гг. был на стороне главных оппонентов Лысенко – В. Н. Сукачева и И. И. Шмальгаузена.

Понимали это и антилысенковцы. 24 января 1948 г. Сукачев писал Завадскому, что Шмальгаузен очень просит его прибыть на конференцию МГУ по дарвинизму и что «все очень хотят выслушать ваш доклад». Не надеясь на почту, Сукачев послал письмо для скорости с оказией. К сожалению, Завадскому не удалось лично участвовать в работе этой конференции, так как Презент запретил ему ехать в Москву, но результаты его исследования заняли одно из центральных мест в развернувшейся на ней дискуссии. В своем докладе Сукачев привел их как главный аргумент против псевдодарвинизма³³. В мае 1948 г. член-корреспондент АН СССР А. П. Шенников так охарактеризовал работу Завадского:

Это экспериментальное исследование по своей продуманности и обстоятельности, по массе анализируемого материала, по обоснованности выводов – представляет собою, несомненно, выдающееся явление в области

²⁹ Баранов П. А., Лебедев Д. В. Забытые страницы из биографии И. В. Мичурина и Н. И. Вавилова // Ботанический журнал. 1955. Т. 40. № 5. С. 752–757.

³⁰ Завадский К. М. Научное наследие И. В. Мичурина и некоторые задачи биологии // Ботанический журнал. 1956. Т. 41. № 1. С. 3–22.

³¹ ПФА РАН. Ф. 1113. Д. 75. Л. 1.

³² Завадский К. М. Влияние густоты насаждений на изменение численности и рост кок-сагыза. Тезисы канд. дисс. Л., 1948. С. 3.

³³ Ученый, учитель, гражданин. Памяти К. М. Завадского / Отв. ред. Э. И. Колчинский. СПб. 1997. С. 100.

экспериментальной фитоценологии и имеет крупное научное и практическое значение ³⁴.

25 июня 1948 г. члены ученого совета биологического факультета проголосовали за избрание Завадского доцентом кафедры дарвинизма ³⁵, но он не только им не стал, но даже диплом кандидата биологических наук ему написали лишь 9 апреля 1949 г., когда «охота на ведьм», т. е. явных и скрытых врагов мичуринской биологии, стала терять остроту ³⁶. Публикация статей, подготовленных по итогам диссертации, затянулась на десятилетие. После августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. их вернули как «антидарвинистские» из редакций ведущих биологических журналов. Презент устроил настоящий террор на факультете, добившись увольнения своих главных противников – Э. Ш. Айрапетянца, М. Е. Лобашева, Г. А. Новикова, Ю. И. Полянского, П. Г. Светлова и др. Планировалось и увольнение Завадского, но в конечном счете ограничились запретом работать со студентами и аспирантами. Более двух лет он был старшим научным сотрудником в Биологическом НИИ ЛГУ в Петергофе, занимаясь экспериментальными работами по эмбриологии растений. Но Завадский был нужен Презенту, чтобы читать за него курсы лекций и руководить дипломными проектами. С 1949 г. ему поручают вести семинары по дарвинизму для аспирантов ВИРа и ВИЗРа, в отделе аспирантуры АН СССР, на кафедре философии. Впоследствии он руководил методологическими семинарами в Институте физиологии АН СССР, в БИН АН СССР, в Институте цитологии АН СССР, Институте эволюционной физиологии и биохимии животных АН СССР. До сих пор в институтах РСХН и РАН вспоминают с благодарностью его методологические семинары, способствовавшие историко-теоретической подготовке широких кругов биологов.

К началу 1950-х гг. период «мирного сосуществования» подходил к концу. Презент, ставший после августа 1948 г. деканом биологического факультета и заведующим кафедрой дарвинизма в МГУ, редко появлялся в ЛГУ, выполняя только часть положенной педагогической нагрузки, львиная доля которой падала на так называемое «руководство аспирантками». В условиях постоянного срыва им основных курсов Завадского все чаще привлекали к проведению семинарских занятий со студентами, к приему зачетов, экзаменов, а затем и к чтению лекций по дарвинизму, что на самом деле ему было запрещено приказом министра высшего образования. Презент лишь записывал на себя часы проделанной другой работы.

Вскоре ученые биолого-почвенного факультета, поддержанные ректором А. А. Илюшиным, начали против Презента борьбу. Они не желали мириться с его постоянными интригами и превращением кафедры дарвинизма в кафедру антидарвинизма. 6 марта 1951 г. президиум ученого совета ЛГУ принял постановление по результатам проверки кафедры дарвинизма, в котором отмечал серьезные упущения в научно-исследовательской работе, преподавании и

³⁴ ПФА РАН. Ф. 1113. Д. 71. Л. 9–9 об; Д. 75. Л. 5–6.

³⁵ Там же. Д. 75. Л. 5–6. Из 26 членов ученого совета 23 проголосовали «за», против – только 3.

³⁶ Там же. Д. 75. Л. 2–3.

подготовке научных кадров, подборе сотрудников³⁷. В постановлении рекомендовалось перевести Завадского на преподавательскую работу. 1 октября 1951 г. он был переведен на должность доцента кафедры дарвинизма³⁸, а 15 марта 1952 г., по прошествии 11 с лишним лет, ВАК наконец-то утвердил его в звании доцента ЛГУ³⁹. Так он оказался в центре борьбы ученых ЛГУ с Презентом, став одним из главных инициаторов его отстранения от преподавания и работы с аспирантами. Именно Завадского назначили сначала и. о., а затем и заведующим кафедрой дарвинизма. Это назначение утвердил 1 августа 1952 г. начальник Главного управления Министерства высшего образования СССР М. А. Прокофьев⁴⁰. Как видно из записок, направленных ректору ЛГУ в феврале 1952 г. и декану биолого-почвенного факультета А. Л. Тахтаджяну в июне 1952 г., Завадский сразу взялся за коренную перестройку научной и преподавательской работы на кафедре, за ликвидацию порядков, введенных Презентом, за очищение ее от лысенковщины.

Изгнание Презента из ЛГУ, шедшее в русле искоренения космополитизма, совпало с началом нового раунда борьбы с лысенкоизмом, который на этот раз инициировали ботаники. Новый директор БИНа П. А. Баранов в конце 1952 г. направил в президиум АН СССР записку, в которой говорил о необходимости возобновить работы по полиплоидии и гетерозису со ссылками на работы американских генетиков и селекционеров по гибридной высокоурожайной кукурузе. На страницах «Ботанического журнала» и «Бюллетеня Московского общества испытателей природы», редколлегии которых возглавлял Сукачев, в 1952 г., впервые с августовской сессии ВАСХНИЛ, прозвучала публичная критика воззрений Лысенко на проблемы вида и видообразования.

В этих условиях последний старался всеми способами спасти своего идеолога, и потребовались два года борьбы с Презентом, чтобы университет смог окончательно с ним расстаться. Самому Кириллу Михайловичу даже пришлось обращаться с письмом к Н. С. Хрущеву, который в мае 1954 г. на парт-активе Ленинграда потребовал от ректора ЛГУ А. Д. Александрова уволить Завадского и восстановить на работе Презента⁴¹. Черновик этого письма сохранился в архиве. В нем говорится, что Кирилл Михайлович готов освободить место для достойного кандидата, но считает «несправедливым и незаконным освобождение от работы в связи с восстановлением в должности И. Презента», который полностью дискредитировал себя как ученый, руководитель и человек. Завадский писал о травле Презентом И. Л. Гербильского, В. А. Догеля, В. Л. Комарова, М. Е. Лобашева, В. Н. Сукачева и других уче-

³⁷ ПФА РАН. Ф. 1113. Неразобранная часть архива. Материалы деятельности К. М. Завадского в университете в 1945–1967 гг. (данное дело не имеет номера, но листы в нем пронумерованы, как и в других делах с уже присвоенным номером). Л. 92–96.

³⁸ ПФА РАН. Ф. 1113. Д. 65. Л. 6.

³⁹ Там же. Д. 75. Л. 10, 12.

⁴⁰ Там же. Д. 62. Л. 6–6 об.

⁴¹ Провал лысенковщины в Ленинграде. Академик Александров отвечает на вопросы доктора филологических наук Э. И. Колчинского // Ленинградский университет. 21 декабря 1990 г. № 38. С. 5; 28 декабря. № 39. С. 5; *Колчинский Э. И.* Взгляд из ректората на биологию в Ленинградском университете (интервью с А. Д. Александровым) // Репрессированная наука / Отв. ред. М. Г. Ярошевский. СПб., 1994. Вып. 2. С. 169–175.

ных, осмелившихся критиковать его аморальные действия, о его разлагающем влиянии на молодежь, о его требованиях безоговорочной поддержки и угрозах «стереть в порошок» каждого, выступившего против него.

В 1954–1955 гг. Завадский стал деканом биолого-почвенного факультета. Он стремился расширить прием студентов на факультет, восстановить экспериментальную базу в Петергофе, ратовал за приобретение нового оборудования для лабораторий. Организационная деятельность мешала научной работе, в том числе и подготовке докторской диссертации «Густота травостоя как объект экспериментальной работы в связи с теоретическим и практическим значением этой проблемы», хотя готовность ее консультировать выразил в письме на имя ректора ЛГУ от 26 мая 1954 г. Сукачев.

Возглавив одну из двух главных в стране кафедр дарвинизма, Завадский активно включился в борьбу против лысенковщины. Первое открытое столкновение с ее лидером после августовской сессии ВАСХНИЛ произошло в связи с нападками Лысенко на учение А. Н. Северцова о морфологических закономерностях эволюции, объявленное «ненаучным», «идеалистическим» и «метафизическим». Завадский выступил на ученом совете биолого-почвенного факультета с докладом в защиту Северцова, который позднее был опубликован и прочитан на Всесоюзном совещании в АН СССР ⁴². Статья положила начало серии публикаций Завадского по проблемам макроэволюции, внесших существенный вклад в учение Северцова – Шмальгаузена о главных направлениях эволюции ⁴³. В дальнейшем изучение проблемы эволюции биосферы показало актуальность идей, высказанных тогда Завадским, о том, что прогрессивное развитие в рамках отдельных филогенезов является результатом эволюции живой природы в целом. Он был одним из первых, кто попытался использовать идеи В. И. Вернадского в изучении истории органического мира. Им была выдвинута идея об органической эволюции как сопряженном процессе, одновременно протекающем в рамках четырех основных форм организации живого (организм, вид, биоценоз, биосфера) ⁴⁴.

С 1952 г. Завадский начал публиковать крупные работы по проблемам вида и видообразования. Первое его выступление на эту тему было посвящено анализу воззрений В. Л. Комарова ⁴⁵. В январе 1954 г. Завадский организовал в рамках философского семинара биолого-почвенного факультета большую дискуссию по этим же проблемам. Она привлекла внимание многих ученых резкой критикой утверждений Лысенко о скачкообразном возникновении новых видов, о превращении пеночки в кукушку, пшеницы в рожь, ели в сосну, березы в ольху, а граба в лещину. Дискуссия проходила в актовом зале университета. Во вступительном слове и прениях Завадский показал не только

⁴² Завадский К. М. Об учении академика А. Н. Северцова (докл. на заседании ученого совета биол. ф-та ЛГУ. Янв. 1953) // Вестник ЛГУ. Биология. № 7. 1953. С. 3–23.

⁴³ Завадский К. М. К пониманию прогресса в органической природе // Проблемы развития в природе и обществе. Сб. статей / Отв. ред. Б. А. Чагин. М.; Л., 1958. С. 79–120; Завадский К. М. Ароморфоз // Философская энциклопедия / Гл. ред. Ф. В. Константинов. М., 1960. Т. 1. С. 99.

⁴⁴ Завадский К. М. Основные формы организации живого и их подразделения // Философские проблемы современной биологии / Отв. ред. А. С. Мамзин. М.; Л., 1966. С. 29–47.

⁴⁵ Завадский К. М. О прогрессивном значении взглядов В. Л. Комарова на реальность и целостность вида // Вестник ЛГУ. Биология. 1952. № 4. С. 3–25.

научную несостоятельность воззрений Лысенко, но и резко выступил против насильственного насаждения взглядов отдельных ученых в качестве абсолютной истины и административных способов воздействия на оппонентов.

К этому времени отдельные выступления против лысенкоизма переросли во фронтальную борьбу всего научного сообщества, включая руководство АН СССР, против лысенковщины в целом. Завадский в эти годы был тесно связан с П. А. Барановым, Д. В. Лебедевым, Ю. М. Оленовым, В. И. Полянским, В. Н. Сукачевым, М. С. Яковлевым. Его мнение как заведующего кафедрой дарвинизма ЛГУ, которой еще недавно заведовал Презент, звучало весомо в антилысенковской кампании. По образному выражению Д. В. Лебедева, в развернувшейся кампании против лысенкоизма «в первых рядах шел в бой и Кирилл Михайлович»⁴⁶. Подпись Завадского была седьмой в «Письме 300», подготовленном В. Я. Александровым, Д. В. Лебедевым и Ю. М. Оленовым. Первыми стояли фамилии П. А. Баранова и Д. Н. Насонова, а всего это письмо с требованием положить конец господству Лысенко в биологии подписали более 300 ученых разных специальностей, в том числе крупнейшие математики, физики и химики. В 1955 г. оно было отправлено в Президиум ЦК КПСС⁴⁷. Тем самым дискуссия стала выходить за пределы биологической проблематики, приобретая характер политической кампании, ведомой учеными, отстаивавшими свободу научного творчества, свободу развития науки в противовес партийно-правительственному аппарату, который выполнял волю первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева, продолжавшего доверять рекомендациям Лысенко.

Участвовал Завадский и в восстановлении генетики в ЛГУ. В бытность деканом он пригласил известного цитогенетика М. С. Навашина стать заведующим соответствующей кафедрой. Позднее он принял на кафедру дарвинизма Р. Л. Берг, оставшуюся после Августовской сессии ВАСХНИЛ без работы. Осенью 1956 г. Завадский обратился в деканат с просьбой пригласить Н. В. Тимофеева-Ресовского для чтения студентам ботанического цикла, включая кафедру дарвинизма,

специальных лекций по генетике (экспериментальное изучение мутационного процесса, генетических основ микроэволюции и исследования механизмов действия генов в онтогенезе) в объеме 46 часов⁴⁸.

В результате известному ученому позволили прочитать в ЛГУ несколько лекций.

Ожесточенная дискуссия с лысенковцами побудила Завадского начать экспериментальные исследования структуры популяций высших растений, которые прямо продолжали исследования представительниц вавиловской школы М. А. Розановой и Е. Н. Синской и внесли существенный вклад в разработку

⁴⁶ Лебедев Д. В. Второй раз мы встретились как соперники // Ученый, учитель, гражданин... С. 79.

⁴⁷ В Президиум ЦК КПСС: письмо 1955 г. (О тяжелом положении в биологии, созданном деятельностью Т. Д. Лысенко и лысенковцев) // Правда. 13 января 1989 г.; Александров В. Я., Лебедев Д. В. Это было «Письмо трехсот»: возвращаясь к напечатанному // Правда. 27 января 1989 г.; Жимулев И. Ф., Дубинина Л. Г. Новое о «Письме трехсот» – массовом протесте советских ученых против лысенковщины в 1955 г. // Вестник ВОГиС. 2005. Т. 9. № 1. С. 13–33.

⁴⁸ ПФА РАН. Ф.1113. Неразобранная часть фонда.

Кафедра дарвинизма в начале 1960-х гг. Сидят (слева направо): Р. Л. Берг, К. М. Завадский. Фото из личного архива Н. С. Ростовской. Публикуется впервые

политипической концепции вида. Завадский показал высокий эколого-физиологический полиморфизм популяций, влияние их состава и структуры на направление отбора, разработал оригинальную классификацию внутривидовых единиц⁴⁹. Эти экспериментальные работы он считал главным своим достижением и сожалел, что из-за болезни вынужден был их прекратить. Поскольку последователи Лысенко извращали представление о виде и способах видообразования, эти работы можно рассматривать как часть борьбы с лысенкоизмом. Кроме того, благодаря им Завадский стал одним из лидеров исследований по проблемам вида и видообразования, признанных во всем мире.

По его инициативе в 1958 г. была подготовлена книга «Современные проблемы эволюционной теории», в написании которой приняли участие эволюционисты из разных городов (З. И. Берман, А. Л. Зеликман, В. И. Полянский, С. С. Хохлов). Однако в конце того же года по прямому указанию Хрущева была распущена редколлегия «Ботанического журнала» как центр организованной борьбы с лысенкоизмом, и труд, подготовленный при участии постоянных авторов журнала Завадовского и Полянского, был запрещен. И только твердая позиция руководства ЛГУ и БИНа спасла их от серьезных неприятностей, подготовленная же книга вышла лишь в 1967 г. под редакцией

⁴⁹ Завадский К. М. К вопросу о дифференциации вида у высших растений (докл. на научной сессии биол.-почв. ф-та 1957 г.) // Вестник ЛГУ. 1957. № 21. Сер. «Биология». Вып. 4. С. 18–44; Завадский К. М., Горобец А. М., Ходьков Л. Е., Хахина Л. Н. Некоторые результаты изучения популяций высших растений // Труды Петергофского биологического института ЛГУ. 1962. № 19. С. 17–34.

В. И. и Ю. И. Полянских⁵⁰. К тому времени учебники А. А. Парамонова «Курс дарвинизма» (1945) и И. И. Шмальгаузена «Проблемы дарвинизма» (1946), запрещенные и изъятые из библиотек, стали библиографической редкостью.

Совместно с Берманом Завадский подвел итоги многолетней борьбы с неоправданными претензиями лысенкоизма на звание дарвинизма⁵¹. Используя историко-научный материал, они убедительно показали, что представления лысенковцев были причудливой смесью положений разных антидарвиновских концепций эволюции с натурфилософскими представлениями, бытовавшими в биологии до начала XIX в.

Эти исследования Завадского пришлось на время, когда он был в расцвете творческих сил и активно занимался научной работой; немаловажную роль тут сыграл и общий подъем интеллектуальной жизни в стране, освобожденной от сталинского тоталитаризма. В это время, 1950-е гг., наиболее полно раскрылись и его уникальные педагогические способности. Он оказал большое влияние на воспитание и подготовку нескольких поколений биологов, на преподавание эволюционной теории в стране, которое более четверти века велось по разработанной им программе, переведенной и изданной в разных странах⁵². До 1968 г. Завадский читал в университете курс эволюционной теории, руководил студентами, аспирантами, выбравшими специализацию «философские проблемы биологии». В ведущих биологических журналах, «Большой советской энциклопедии», сельскохозяйственной и философских энциклопедиях им были опубликованы блестящие статьи о биологии, предмете и задачах эволюционной теории, методике ее преподавания, основных понятиях (вид, ароморфоз и др.). Каждая из них была написана на базе обширного, тщательно обработанного и оригинально поданного историко-научного материала. Уже к началу 1950-х гг. он считался видным историком науки и вошел в состав Комиссии по подготовке «Истории Академии наук».

В эти годы стала складываться школа Завадского, объединяющая специалистов в области эволюционной теории, истории эволюционных учений и философских проблем биологии. Вскоре она приобрела международное значение, так как среди его воспитанников были ученые из Болгарии, Германии, Китая, Румынии, Чехии. Врожденная интеллигентность, благородство, доброжелательность, талант лектора, преданность науке привлекали к Завадскому людей разных возрастов. Он щедро делился с ними своими знаниями, идеями, умением по-новому взглянуть на научные проблемы. К Завадскому всегда тянулась молодежь, собираясь вокруг него везде, где он работал. Многим своим ученикам он был верным другом, к некоторым из них он отно-

⁵⁰ Берман З. И., Зеликман А. Л., Завадский К. М., Парамонов А. А., Полянский Ю. И. Современные проблемы эволюционной теории / Ред. В. И. Полянский, Ю. И. Полянский. М., 1967.

⁵¹ Завадский К. М., Берман З. И. Об одной из форм антидарвинизма (по материалам изданий, выпущенных каф. дарвинизма МГУ) // Вестник ЛГУ. 1966. № 9. Сер. «Биология». Вып. 2. С. 5–22.

⁵² Завадский К. М. Предмет и задачи современного дарвинизма // Ботанический журнал. 1957. Т. 42. № 4. С. 583–595; Завадский К. М. Теория эволюции и ее преподавание // Журнал общей биологии. 1965. Т. 26. № 6. С. 731–743 (с «Программой по дарвинизму для университетов» на с. 739–743); Zavadskij, K. M. Gegenstand und Aufgaben des heutigen Darwinismus // Sowjetwissenschaft – Naturwissenschaftliche Beiträge. Berlin, 1957. H. 10. и др.

Кирилл Михайлович Завадский. Начало 1960- гг. Фото А. С. Мамзина. Публикуется впервые

сил с отеческой любовью. Это был строгий «отец», приучавший к тяжелой, изнурительной работе, готовый дать «взбучку» нерадивым, высмеять поверхностное, слабо аргументированное суждение, осечь зазнавшегося. Писать диссертацию у Завадского было нелегким делом. Месяцы, а то и годы уходили на подготовку первых публикаций, которые по несколько раз возвращались автору все исчерканные его вопросами и замечаниями на полях. Задолго до новых требований ВАК Завадский не выпускал соискателя на защиту, пока основные положения диссертации не будут апробированы в ведущих журналах, на крупных конференциях и симпозиумах. В то же время его отношения с учениками были очень доверительными. Он говорил с нами на любые острые политические темы, не боясь предательства или доноса, интересовался нашим мнением о рукописях своих статей, поощрял нелицеприятную критику. Завадский

всегда и во всем был честен, никогда не скрывал своих ошибок и рассказывал откровенно о непростой истории советской биологии. Он мог бы сказать словами А. Твардовского: «Да все, что с нами было – было, а то, что есть, то с нами здесь».

В 1959 г. Завадский активно участвовал в мероприятиях по случаю 150-летия со дня рождения Ч. Дарвина и 100-летия выхода в свет его книги «Происхождение видов». Эти юбилеи старались максимально использовать в свою пользу и сторонники Лысенко, и его оппоненты⁵³. Естественно, Завадский был центральной фигурой в Ленинграде в дни этого юбилея и много выступал с публичными лекциями и докладами в разных аудиториях⁵⁴. В итоге – тяжелый инфаркт в декабре 1959 г., а затем длительная тяжелая болезнь, с которой Завадский мужественно боролся. Он продолжал читать лекции, руководил дипломными и диссертационными работами. Но все сложнее было вести научно-организационную работу. Ученый совет университета не смог найти Завадскому достойной замены и в 1964 г. объединил кафедры дарвинизма и геоботаники, назначив его заведующим кабинетом дарвинизма и руководителем специализации по философским проблемам биологии.

⁵³ См. подробнее: Колчинский Э. И. Юбилей Ч. Дарвина в социально-культурных и когнитивных контекстах // Историко-биологические исследования. 2009. Т. 1. № 1. С. 33–35.

⁵⁴ ПФА РАН. Ф. 1113. Д. 76. Л. 8.

Учение о виде и видообразовании

Будучи тяжело больным, Завадский закончил и опубликовал книгу «Учение о виде»⁵⁵, которая стала значительным событием в истории эволюционной теории и ботаники. В ней были синтезированы данные многолетних экспериментальных исследований по структуре вида и внутривидовым отношениям и большой литературный материал. Одной из первых эту книгу еще в рукописи прочитала соратница Н. И. Вавилова, крупнейший специалист в области генэкологии и структуры вида Е. Н. Синская, отметившая в письме от 17 марта 1960 г., что «особенно отрадное впечатление производит в ней спокойный тон, а в научном отношении – разделы об общей концепции вида»⁵⁶.

В этом труде Кирилл Михайлович обосновал новаторский подход к анализу истории изучения вида, которую он разделил на пять этапов: от Д. Рея до К. Линнея, от К. Линнея до Ч. Дарвина, от Дарвина до начала XX в., первые 25–30 лет XX в., последующее время. Для каждого этапа были выделены главные характерные черты и даны их лаконичные характеристики. Первый этап обозначен афоризмом «вид без эволюции» (научный креационизм), второй – «эволюция без видов» (плоский эволюционизм), третий – «реальный вид в эволюции» (классический дарвинизм), четвертый и пятый – «вид – полиморфная и развивающаяся система» (синтетическая теория эволюции).

Он показал, что на протяжении всей истории познания живого проблемы вида и видообразования оставались одними из наиболее острых и спорных в биологии, что обусловлено и внутренне противоречивой природой вида, и сложными отношениями между теорией и практикой в систематике. Таксономический стандарт вида, к которому предъявляются требования простоты со стороны практиков-систематиков, оказывается в противоречии с полиморфной структурой вида и его эволюционной пластичностью. Завадский выпукло показывал особый статус теории вида в биологии и ее значение для систематики. До сих пор эта книга, как и ее последующее, существенно дополненное и переработанное издание⁵⁷, остаются в числе основных теоретических руководств по проблемам вида и видообразования. Завадский внес существенный вклад в уточнение значимости и границ применимости биологической концепции вида, творчески разработал вопросы, связанные с определением понятия вида, его структуры, внутривидовых отношений, с обоснованием типов видообразования.

В многочисленных рецензиях на эту монографию крупнейшие отечественные и зарубежные биологи отмечали оригинальность концепции и глубокий анализ поднимаемых проблем. Так, например, известный японский специалист по генетике и экологии культурных растений К. Сакаи особенно подчеркивал выдающийся вклад Завадского в разработку проблемы внутривидовых

⁵⁵ Завадский К. М. Учение о виде. Л., 1961.

⁵⁶ Ксерокопия письма Е. Н. Синской к К. М. Завадскому в архиве СПбФ ИИЕТ РАН; Подлинник в ПФА РАН. Ф. 1113. Необработанная часть архива. Письма к К. М. Завадскому.

⁵⁷ Завадский К. М. Вид и видообразование. Л., 1968.

отношений у растений⁵⁸. «Учение о виде» было переведено на китайский, румынский и японский языки. На немецкий язык отдельные главы книги перевел крупнейший немецкий генетик и эволюционист, президент Сельскохозяйственной академии ГДР Г. Штуббе⁵⁹. В письме от 25 февраля 1963 г. он писал, что перевод доставил ему большую радость, так как «труд имеет особое значение для моей эволюционно-генетической работы»⁶⁰.

За эту книгу 6 мая 1963 г. ученый совет ЛГУ присудил Завадскому докторскую степень по совокупности опубликованных работ. Это решение стало уникальным, так как было принято в отсутствие соискателя, который лежал с очередным тяжелейшим инфарктом. Юридическим основанием для проведения защиты стало то, что ни в одной из инструкций ВАК не оговаривалось обязательное присутствие на защите соискателя, в то время как все оппоненты должны были быть непременно. Официальные оппоненты (Е. М. Лавренко, А. И. Толмачев, Е. Н. Синская) и другие участники дискуссий оценили книгу как теоретическую вершину в разработке представлений о виде с эволюционной точки зрения. Ходатайство в ВАК подписал ректор ЛГУ, член-корреспондент АН СССР математик А. Д. Александров⁶¹. Однако ВАК не сразу откликнулся на это ходатайство. Только после снятия Хрущева и последовавшего за этим ниспровержения Лысенко ВАК 14 ноября 1964 г. присудил Завадскому степень доктора биологических наук⁶². А 30 ноября 1966 г. он был утвержден в ученом звании профессора по кафедре дарвинизма и геоботаники⁶³.

Практически сразу же книга стала библиографической редкостью и встал вопрос о ее переиздании. Инициатором в мае 1963 г. стал будущий академик С. С. Шварц. Узнав о планах нового издания, Сукачев писал Завадскому 27 июня 1965 г.: «От всего сердца радуюсь, что Вы подготовили 2-е издание Вашей прекрасной книги “Учение о виде”. Выпуск второго издания ее необходимо ускорить»⁶⁴. Он активно помогал Завадскому, обращался за поддержкой к заместителю председателя редакционно-издательского совета АН СССР академику А. Л. Яншину, министру высшего и среднего образования В. П. Елютину и другим. Наконец, в 1968 г. вышла монография «Вид и видообразование», в которой Завадский также использовал огромный историко-научный материал как один из главных способов обоснования своей обще-биологической концепции вида.

В Ленинградском отделении ИИЕТ АН СССР

В 1967 г. судьба Кирилла Михайловича совершила крутой поворот: он перешел в Ленинградское отделение Института истории естествознания и техники АН СССР (ЛО ИИЕТ). Несмотря на многолетние связи с сотрудниками

⁵⁸ Sakai K. Учение о виде (на яп. яз.) // *Genetica Sinica*. 1963. Vol. 12. № 3. P. 126–129.

⁵⁹ *Zavadskij K. M. Art und Artbildung*. Jena, 1968.

⁶⁰ ПФА РАН. Необработанная часть фонда. Ф. 1113. Письма Завадскому. Необработанная часть фонда.

⁶¹ ПФА РАН. Ф. 1113. Д. 75. Л. 28.

⁶² Там же. Л. 36.

⁶³ Там же. Л. 38.

⁶⁴ ПФА РАН. Ф. 1113. Необработанная часть фонда. Письма К. М. Завадскому.

этого учреждения решение оставить университет было принято не без колебаний. Предстояло расстаться со студентами, со всей обстановкой биолого-почвенного факультета, на котором Завадский проработал в общей сложности около 30 лет. Предложение о таком переходе Завадский получил от заместителя директора ИИЕТ АН СССР, члена-корреспондента С. Р. Микулинского в декабре 1964 г. Его поддерживал и директор ИИЕТ академик Б. М. Кедров. В качестве «приманки» включили книгу «Вид и видообразование» в план издания института. В апреле 1965 г. Микулинский писал:

Мне очень жаль, что Вы решили в этом году не переходить к нам. У нас для Вас были бы идеальные условия для литературно-теоретической работы. Это я говорю без всяких преувеличений. С Б. М. [Кедровым. – Э. К.] у меня полная договоренность о Вашем переходе⁶⁵.

Завадский отложил окончательное решение до осени 1966 г. Это было время долгих и непростых раздумий. Вместе с тем Кирилл Михайлович ощущал, что болезнь отступает, что накопленные знания и опыт были нужны научному сообществу. Победили сила воли, здоровый оптимизм, помощь тех, кто был рядом: жены Екатерины Сергеевны, учеников, друзей. С переходом в ЛО ИИЕТ открывалась перспектива создать сектор и сосредоточиться на научно-исследовательской работе. Осенью 1966 г. ученый совет ИИЕТ единогласно избрал Завадского старшим научным сотрудником. Прошло еще несколько месяцев, чтобы переход Завадского состоялся, а руководство ИИЕТ дало ставки для новых сотрудников.

Завадский подготовил несколько докладных записок о перспективных планах сектора, в которых отмечал:

Эволюционная теория в биологии была и сохраняет значение отрасли, синтезирующей всю огромную совокупность частных наук. Прямо или косвенно она выступает как теоретическая основа сельскохозяйственных наук⁶⁶.

Отметив, что успехи советских ученых в 1920–1940-е гг. обеспечили им лидирующее положение в области эволюционной теории, он констатировал:

...последнюю четверть века исследования по теории эволюции очень сильно заторможены или вовсе прекращены. Специалистов в этой области совсем не осталось [...] В десятках университетов, пед[агогических] институтов и других вузах этот предмет преподается неспециалистами [...] Подготовка кадров по теории эволюции повсеместно прекратилась. Нет не только крупных научных центров, но даже ни одной научной лаборатории, специально занимающейся эволюционной теорией, и в системе АН СССР.

Зная боязнь руководства Страны Советов отстать в соревновании с Западом, Завадский указывал, что:

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ ПФА РАН. Необработанная часть фонда.

сложившееся положение находится в сильном контрасте с развитием теории эволюции в мировой науке, свидетельством чего является огромный поток работ, выходящих по этим вопросам за рубежом.

Для ликвидации отставания он призывал власти принять те же экстренные меры, которые были приняты недавно для возрождения генетики. По его мнению, необходимым было

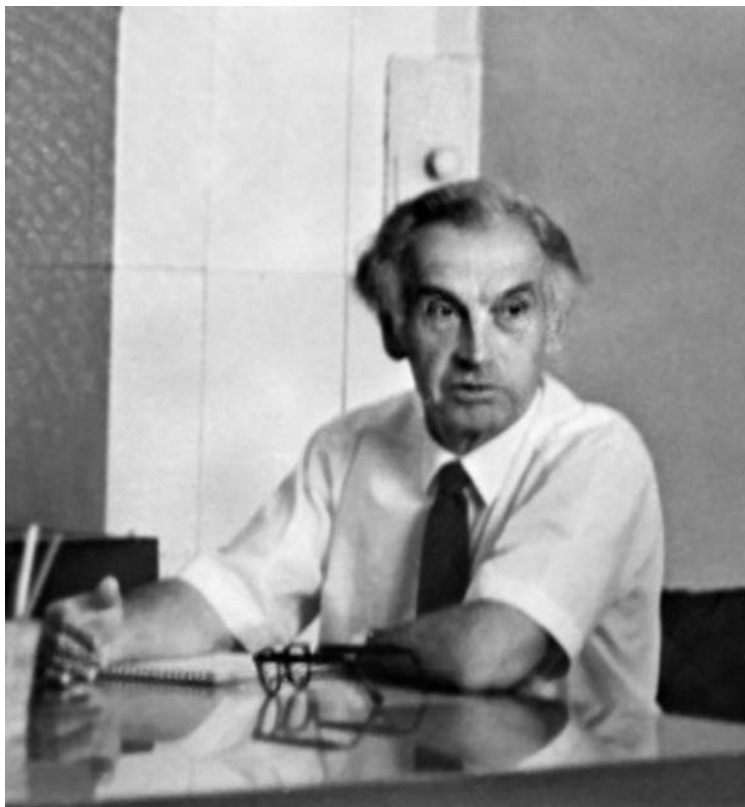
объединение имеющихся специалистов в творческие группы при институтах АН СССР и координация их работ. Работа таких групп должна включать экспериментальное, математическое, историко-биологическое и методологическое изучение следующих проблем: 1. История эволюционных идей в советской биологии 20–60-х годов (критико-методологическое исследование). 2. Структура популяций, факторы и причины макроэволюционного процесса, видообразование и др. 3. Биоценотическое равновесие, регуляция численности в экосистемах и эволюция. 4. Системная организованность живого и эволюционный процесс. 5. Естественный отбор как главный фактор эволюции. 6. Закономерности эволюционного процесса (необратимость, неравномерность темпов, пути и т. д.). 7. Движущие силы и закономерности прогрессивной эволюции. 8. Проблема органической целесообразности. Границы действия эволюционных закономерностей и проблема смены этих закономерностей в процессе эволюции.

Одну из таких групп Завадский предлагал создать в ЛО ИИЕТ.

Я привел столь обширные выдержки из подготовленных Кириллом Михайловичем записок, чтобы показать, насколько глобально он подходил к постановке этой проблемы, ощущая себя ответственным не только за свою школу, но и за состояние эволюционной теории в стране в целом. Постепенно к исследованиям по новой тематике присоединились ранее работавшие в ЛО ИИЕТ историки биологии К. В. Манойленко и Т. А. Лукина. Вместе с профессором И. И. Канаевым они органично вошли в созданный Завадским сектор. По оценке М. Адамса, посетившего ЛО ИИЕТ в 1971 и 1977 гг., Завадский возглавлял «превосходную (*excellent*) группу историков эволюционной биологии»⁶⁷.

В июне 1972 г. сектор Завадского посетил Э. Майр. Во время встречи были затронуты многие вопросы истории и современного состояния эволюционной теории. Один из главных создателей СТЭ отмечал вклад Кирилла Михайловича в разработку интересовавших его проблем и находил много общего в их подходах. Майра настолько заинтересовала обстановка в коллективе Завадского, что он попросил у него разрешения еще раз встретиться с его учениками. Встречу вел А. Б. Георгиевский. Позднее Майр написал Я. И. Старобогатову, который был куратором его пребывания в Ленинграде, что он восхищен и удивлен мужеством Завадского и Георгиевского, которые в условиях тоталитарного режима, где, как он считал, по прежнему доминировал лысенкоизм, открыто защищают синтетическую теорию эволюции, а молодые историки науки хорошо ориентируются в литературе по современным проблемам эволюции, систематики, генетики, экологии и этологии. Позднее Майр не раз отмечал огромное влияние Завадского на уточнение своих соб-

⁶⁷ The Evolution of Theodosius Dobzhansky / Ed. M. Adams. Princeton, N. J., 1994. P. VIII.

Э. Майр беседует с сотрудниками сектора К. М. Завадского в ЛО ИИЕТ. Июнь 1972 г. Фото Е. Б. Попова. Из личного архива Э. И. Колчинского

ственных философских воззрений и посвятил ему как «глубочайшему теоретику, мыслителю и педагогу» специальную работу ⁶⁸.

Последнее десятилетие, проведенное Завадским в ЛО ИИИЕТ АН СССР, оказалось на редкость продуктивным в научном и научно-организационном отношении. В декабре 1969 г. под его руководством состоялся Всесоюзный симпозиум «Прогрессивное развитие в живой природе и технике», в котором участвовали почти все ведущие биологи-эволюционисты нашей страны. Подготовленная им к этому симпозиуму статья об общих закономерностях прогрессивного развития в живой природе и технике может быть поставлена на один уровень с тектологией А. А. Богданова по глубине мыслей и оригинальности широких обобщений ⁶⁹. В последующие годы под его редакцией вышел

⁶⁸ Mayr, E. Roots of Dialectical Materialism // На переломе. Советская биология в 20–30-х гг. Вып. 1. СПб., 1997. С. 12–18; Майр Э. Корни диалектического материализма // Природа. 2004. № 9. С. 73–76.

⁶⁹ Завадский К. М. К проблеме прогресса живых и технических систем // Теоретические вопросы прогрессивного развития живой природы и техники (материалы симпозиума). Л., 1970. С. 3–28.

ряд сборников, посвященных историко-теоретическим аспектам прогрессивной эволюции. Его последней прижизненной публикацией стала книга, посвященная изучению особенностей движущих сил эволюции на различных этапах истории органического мира и в различных крупных таксонах ⁷⁰. Однако его заветная мечта – написать монографию о прогрессивной эволюции живого – так и осталась нереализованной, хотя во многих папках хранились ее планы, отдельные исторические и теоретические параграфы и множество переводов по данной тематике.

Завадский организовал симпозиумы «Закономерности прогрессивной эволюции» (Ленинград, 1969), «Организации и эволюции живого» (Ленинград, 1972), «Первые шаги эволюционной теории в СССР» (Ленинград, 1973). В качестве сопредседателя симпозиума по проблеме «Вид и видообразование» в рамках XII Международного ботанического конгресса, состоявшегося в июне 1975 г. в Ленинграде, Завадский выполнил большой объем научно-организационной и редакционной работы. Но в дни конгресса он оказался в реанимационной палате, и симпозиумом руководил другой сопредседатель, австрийский ботаник А. Эрендорф, который очень сожалел, что ему не удалось встретиться с всемирно признанным авторитетом в этой области. Не меньше был расстроен и выдающийся американский эволюционист Дж. Стеббинс, также желавший встретиться с Завадским.

Особо следует сказать об ежемесячном городском семинаре Кирилла Михайловича по истории и теории эволюционных учений. В его рамках выступили практически все ведущие биологи-эволюционисты нашей страны: А. Я. Александров, Р. В. Викторовский, А. Г. Кнорре, Е. М. Крепс, Б. С. Матвеев, Л. З. Кайданов, В. С. Кирпичников, Е. И. Лукин, В. В. Мазинг, Б. М. Медников, С. В. Мейен, Ю. М. Оленов, И. Я. Поляков, Ю. И. Полянский, П. Г. Светлов, А. С. Северцов, В. В. Скрипчинский, Л. П. Татаринов, Э. С. Терехин, Н. В. Тимофеев-Ресовский, А. М. Уголев, Г. Х. Шапошников, С. С. Шварц, А. Г. Юсуфов, А. В. Яблоков, А. А. Яценко-Хмелевский и др. На семинаре делали доклады и зарубежные биологи-эволюционисты и историки науки: М. Адамс, Э. Мендельсон (США), Д. Годанова, В. Новак (Чехословакия), Л. Кузницкий, Ч. Новицкий, А. Урбанек (Польша), М. Бондарик, И. И. Пятницкий (Румыния), Ф. Газеллофф, Р. Лотер (Германия) и др. Смело можно сказать, что это был центр историко-научных и эволюционных исследований мирового уровня. Для многих будущих ведущих ученых в разных отраслях эволюционной биологии и философии семинар стал местом первого выступления в столь авторитетной аудитории. Участие начинающих исследователей в обсуждении проблем эволюционной теории, предоставляемая им возможность общаться и дискутировать на равных с признанными учеными создавали исключительно благотворную обстановку для усвоения так называемого неявного научного знания, которое невозможно приобрести чтением книг.

Завадский поддерживал переписку с крупнейшими зарубежными эволюционистами (Э. Майром, Ф. Добржанским, Е. Олсоном, Дж. Стеббинсом, Г. Штуббе и др.). 1 февраля 1974 г. в Польше открылся Первый советско-

⁷⁰ Завадский К. М., Колчинский Э. И. Эволюция эволюции. Историко-критические очерки проблемы. Л., 1977.

Сотрудники сектора истории и теории эволюционного учения ЛО ИИЕТ (слева направо): К. М. Завадский, Л. Н. Хахина, К. В. Манойленко, Э. И. Колчинский, Я. М. Галл, З. М. Рубцова, И. Быкова (июнь 1977 г.). Фото Е. Б. Попова. Из личного архива Э. И. Колчинского

польский симпозиум по проблеме «Взаимосвязь организации и развития в биологии». Его участники обратились с приветствием к Завадскому как к одному «из самых видных теоретиков эволюционизма»⁷¹. К тому времени он приобрел большой международный авторитет и как историк науки, основав оригинальное направление, связанное с историко-критическим анализом современных проблем эволюционной теории, с поиском путей их решения, с уточнением понятийного аппарата. Он считал, что «...для ускорения развития эволюционной теории весьма актуально исследование закономерностей и путей ее развития в XX веке и, особенно, в последние 30–50 лет»⁷².

Первоочередными задачами он считал изучение: 1) развития исследований отдельных факторов и законов эволюции; 2) истории взаимоотношений эволюционной теории с экологией, генетикой, математикой, философией; 3) вклада крупных биологов (И. И. Шмальгаузен, Дж. Холдейн, Ф. Добржанский и др.) в эволюционную теорию; 4) истории эволюционных идей в отдельных странах.

Завадский выделил главные этапы и закономерности в развитии эволюционной теории, дал анализ основных концепций эволюции в последарвинов-

⁷¹ ПФА РАН. Ф. 1113. Д. 83. Л. 1.

⁷² ПФА РАН. Ф. 1113. Незабранная часть архива. Деятельность К. М. Завадского в ЛО ИИЕТ АН СССР.

ский период. В двух томах «Истории биологии», подготовленных большим коллективом отечественных историков науки и биологов, им дана краткая, но исчерпывающая характеристика развития эволюционных идей и концепций до начала 1970-х гг.⁷³ Он впервые выделил и проанализировал основные пути формирования СТЭ⁷⁴. Рассматривая историю знания как необходимый инструмент для разработки методологических проблем эволюционной теории, Завадский дал определение понятия «эволюция», разграничил и определил понятия «эволюционная теория» и «эволюционная биология», предложил оригинальную классификацию эволюционных концепций.

Будучи убежденным сторонником теории естественного отбора, Завадский считал, что синтез всего ценного в недарвиновских концепциях является важнейшим способом углубленного понимания эволюции. Он организовал борьбу за публикацию сборника эволюционных трудов Л. С. Берга, который в 1973 г. был вычеркнут из издательского плана АН СССР. Вместе с П. М. Жуковским, Е. М. Лавренко и А. С. Мамзиным Завадский обратился с письмом к руководителю Редакционно-издательского совета АН СССР А. Л. Яншину, в котором доказывал необходимость издания работ Берга, подвергшихся в 1920-е гг. несправедливой идеологической критике, но не потерявших своей актуальности. Это письмо, а также готовность Завадского вместе с Георгиевским написать большую вступительную статью к планируемому изданию⁷⁵, решило судьбу книги, которая вышла в 1977 г. незадолго до смерти Завадского и привлекла внимание не только биологов, вызвав оживленные дискуссии на страницах многих журналов и книг. По его инициативе Т. А. Лукина подготовила перевод некоторых работ крупнейшего представителя неокатастрофизма О. Шиндевольфа, однако издать их не удалось.

Классическая работа Завадского «Развитие эволюционной теории после Дарвина» до сих пор остается главным источником по истории эволюционизма с 1859 г. и до первых шагов формирования синтетической теории эволюции (СТЭ)⁷⁶. Об этой книге С. С. Шварц отзывался как о «нужной, ценной, злободневной» и «предельно честной книге»⁷⁷. Так же высоко оценили ее Ф. Г. Добржанский и Э. Майр. В письме от 1 февраля 1974 г. Майр выразил надежду «что эта книга может быть переведена на английский язык, так как для нас она представляет исключительный интерес»⁷⁸. 24 марта 1974 г.

⁷³ Завадский К. М., Ермоленко М. Т. Эволюционная теория во второй половине XIX в. // История биологии с древнейших времен до наших дней. Т. 1. История биологии с древнейших времен до начала XX века / Ред. С. Р. Микулинский. М., 1972. С. 492–509; Завадский К. М. Эволюционная теория // История биологии (с начала XX века до наших дней). Т. 2. История биологии с начала XX века до наших дней / Ред. С. Р. Бляхер. М., 1975. С. 362–386.

⁷⁴ Завадский К. М. Синтетическая теория эволюции и диалектический материализм // Философские проблемы эволюционной теории (материалы к симпозиуму). М., 1971. Ч. 2. С. 4–30.

⁷⁵ Завадский К. М., Георгиевский А. Б. К оценке эволюционных взглядов Л. С. Берга // Берг Л. С. Труды по теории эволюции. Л., 1977. С. 7–42.

⁷⁶ Завадский К. М. Развитие эволюционной теории после Дарвина (1859–1920-е годы). Л., 1973.

⁷⁷ Шварц С. С. Рецензия на кн.: Завадский К. М. Развитие эволюционной теории после Дарвина (1859–1920-е годы). Л.: Наука, 1973. 423 с. // Журнал общей биологии. 1975. Т. 36. № 3. С. 470–472.

⁷⁸ Письма Э. Майра к К. М. Завадскому // Ученый, учитель, гражданин... С. 120.

Добржанский сообщил, что наконец-то получил с нетерпением ожидаемую им книгу «Развитие эволюционной теории после Дарвина», иронично добавив: «Она ехала, должно быть, на каком-то очень медленном грузовом пароходе»⁷⁹. Он нашел книгу превосходной и с особым интересом прочитал разделы об истории эволюционизма в России, так как «многое просто никогда не знал». В следующем письме от 3 июня 1974 г. он снова возвращается к этой книге и подчеркивает: «На 90 процентов наши идеи параллельны, а что касается остальных десяти процентов, то где можно найти двоих ученых “идентичных близнецов”»⁸⁰.

Сохранившаяся переписка свидетельствует о предпринимавшихся Майром и Добржанским усилиях для перевода и издания книги за рубежом. Скоропостижная кончина Добржанского, а затем и Завадского помешали осуществлению этих планов, натолкнувших на бюрократические препоны⁸¹.

Историко-теоретические работы Завадского ориентировали ученых на исследование глобальных проблем биологии. Еще в те годы, когда о надвигающемся экологическом кризисе говорили немногие, преимущественно зарубежные ученые, он разработал комплексную программу изучения особенностей эволюционного процесса в современных условиях. К сожалению, у властей предрежащих не нашлось средств для ее осуществления. Между тем это позволило бы вовремя осознать опасность эволюционных изменений, возникающих в органическом мире в XX в. Завадский предупреждал, что индустриальный меланизм, возникновение ядоустойчивых рас насекомых, приобретение бактериями и вирусами устойчивости к лекарственным препаратам, изменение численного соотношения видов в природных экосистемах – это лишь первые грозные симптомы эволюционных ответов живого на антропогенные воздействия. В конечном счете возникнут организмы, угрожающие самому существованию человека. Чума XX века – СПИД – стала подтверждением прозорливости ученого.

Нацеливая физиологов растений на изучение филогенеза функций в связи с эволюцией их биохимической и анатомо-морфологической организации с последующим обращением к изучению причин и закономерностей эволюции целых адаптационных систем растения, Завадский дал мощный стимул к превращению эволюционной физиологии и биохимии растений в самостоятельную отрасль знания.

Идеи Завадского находили воплощение в монографиях его учеников об антропосоциогенезе, адаптации и преадаптации, апомиксисе, борьбе за существование, вероятности и эволюции, детерминации эволюции, естественном отборе, избыточности и надежности в эволюции, направленности эволюции, норме и патологии, эволюции растений-паразитов, популяционных исследованиях в прикладной ботанике, регенерации у растений, симбиогенезе, эволюции биосферы, эволюции эволюции, эволюционной физиологии растений, эволюционной цитогенетике и др.; многие из этих книг вышли еще под редакцией Завадского. В диссертациях его учеников обязательно был большой

⁷⁹ Письма Ф. Г. Добржанского к К. М. Завадскому // Там же. С. 116.

⁸⁰ Там же. С. 117.

⁸¹ Галл Я. М. Умение руководить научной работой – дар божий // Там же. С. 100.

историко-научный раздел. В целом под его руководством подготовлены и защищены 4 докторских и 37 кандидатских диссертаций. Он был инициатором издания и ответственным редактором периодического сборника «История и теория эволюционного учения» (1973–1975. Вып. 1–3).

К сожалению, в последние пять лет его жизни научная деятельность Завадского протекала на фоне непрекращающихся попыток реорганизации ленинградских академических учреждений по философии, социологии, экономике и истории науки. В 1972–1975 гг. по инициативе отдела науки ЦК КПСС, Ленинградского обкома и Секции общественных наук АН СССР было затеяно объединение мелких учреждений Отделения экономики и Отделения философии и права АН СССР в рамках единого Института социально-экономических проблем АН СССР (ИСЭП), которым было бы легче управлять. Кирилл Михайлович старался спасти свой коллектив. Он пошел на прямой конфликт с партийными органами, будучи убежден, что тематика сектора ни при каких обстоятельствах не может быть ликвидирована, и предупредил руководство АН СССР, что не может «принять условия перехода в ИСЭП»⁸². В его защиту выступили директора всех биологических институтов Ленинграда, академики и члены-корреспонденты АН СССР (Б. Е. Быховский, Е. М. Крепс, Е. М. Лавренко, А. С. Трошин, В. Н. Черниговский, А. А. Федоров и др.). Их обращения в вышестоящие «органы» возымели действие – сектор было решено сохранить, передав в БИН АН СССР, учитывая исторически сложившиеся связи Завадского с БИНОм и базовое образование большинства его сотрудников. Готовность принять сектор выказывали также директора Института эволюционной физиологии и биохимии животных АН СССР академик Е. М. Крепс и Зоологического института АН СССР будущий академик О. А. Скарлато.

Вначале в БИНе все складывалось хорошо. Горячим сторонником перехода сектора в этот институт был его ученый секретарь, ученый и библиограф Д. В. Лебедев. Эту идею поддерживал и тогдашний директор учреждения член-корреспондент АН СССР А. А. Федоров. Все предложения и планы Завадского были приняты и одобрены ученым советом БИНа, который рекомендовал «сохранить все сложившиеся научные и координационные связи с ИИЕТ»⁸³. Многие сотрудники БИНа были учениками Завадского или знакомы с ним на протяжении десятков лет. Территориально сектор оставался в старом помещении ЛО ИИЕТ, а зарплату сотрудники получали через сберкасу. Однако Завадский понимал, что «период адаптации к новым (во многом чуждым) условиям будет, вероятно, трудным и долгим». Узнав, что ЛО ИИЕТ не ликвидировано полностью и в Ленинграде остались два его подразделения, он поднял вопрос о возвращении своего коллектива в ИИЕТ. По согласованию с ним 12 октября 1976 г. на заседании президиума АН СССР, где слушался отчет о работе института за пять лет, было рекомендовано вернуть коллектив Завадского в ИИЕТ, так как сектор продолжал работать по его плану. Новая дирекция БИНа не возражала против этого, но решение вопроса затягивалось.

⁸² ПФА РАН. Ф. 1113. Необработанная часть рукописи.

⁸³ Там же.

Неожиданно в БИНе началась реорганизация. В середине октября 1977 г. его руководство обратилось с просьбой к вице-президенту Ю. А. Овчинникову довести до сведения вице-президента АН СССР П. Н. Федосеева, что «перевод этого подразделения из БИН не только целесообразен, но и действительно необходим»⁸⁴. Ситуация осложнялась тем, что БИН попал под пристальное внимание партийных органов из-за одного трагического происшествия, после которого сверху было спущено требование покончить с либерализмом в работе институтского ученого совета и решительно действовать в отношении непрофильных подразделений. В их числе оказалась и лаборатория Завадского, которому вновь пришлось принимать меры по ее спасению. На просьбы академика-секретаря Отделения общей биологии АН СССР М. С. Гилярова и С. Р. Микулинского Федосеев отвечал отказом. Только вмешательство академика АМН Г. Ф. Гаузе, обратившегося с просьбой к Овчинникову, позволило положительно решить вопрос. В марте 1978 г. созданный Завадским коллектив вернулся в ЛО ИИЕТ. Не вернулся только сам Кирилл Михайлович, который скончался 2 ноября 1977 г.

* * *

Завадский ушел из жизни полным творческих замыслов. Один из них был реализован уже после его смерти в коллективной монографии «Развитие эволюционной теории в СССР (1917–1970-е годы)»⁸⁵, в подготовке которой помимо учеников Завадского участвовали крупнейшие эволюционисты и, прежде всего, его учитель и многолетний друг профессор Ю. И. Полянский. Другие замыслы и идеи получили воплощение и продолжение в работах его учеников. До сих пор Завадский остается высокоцитируемым автором, его имя часто встречается в Интернете, а труды по-прежнему включены в списки обязательной литературы в программы по эволюционной теории и философским проблемам биологии. Его памяти было посвящено несколько конференций и книг⁸⁶.

Как и подавляющее большинство ученых того времени Завадский был приверженцем когнитивной истории науки, но использовал ее отнюдь не для подтверждения в трудах прошлого правильности своих теоретических воззрений. Драматическая история идей служила для него важным рычагом развития самой теории. Его деятельность – прекрасный пример успешности историко-научных исследований, проводимых специалистом, имеющим профессиональную подготовку и опыт научной работы в той отрасли знаний, историей которой он занимается. Значение же социально-культурного контекста в развитии науки Завадский прекрасно понимал, как и невозможность его объективного анализа в условиях СССР.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Развитие эволюционной теории в СССР (1917–1970-е гг.) // Ред.-сост. Э. И. Колчинский; отв. ред. С. Р. Микулинский, Ю. И. Полянский. Л., 1983.

⁸⁶ Кирилл Михайлович Завадский. Материалы к биобиблиографии истории науки и техники. СПб., 2008. Вып. 8.